

какие «сильные» поступки Толю Калинкина. Став свидетелями настоящей любви, меняются и друзья Толи, они перестают подтрунивать над «Калинкиным-Малинкиным». Дерзкий и злоязыкий Эдька говорит о Калинке: «Он ребенок». — «Этот ребенок взрослей всех», — отвечает ему старшина Примака...

Многим читателям запомнился герой повести Бориса Васильева «А зори здесь тихие...» старшина-сверхсрочник Федот Васков. Характер старшины-сверхсрочника Сергея Примака, на мой взгляд, раскрыт несколько полнее. Но не это главное. Главное, что это люди одной генерации. Ничем не привлекающие к себе внимания внешне, они обладают большим собственным миром. Самоотверженно готовы они в любое мгновение выполнить свой долг. Суровы. Требовательны. И человечны. Беспредельно любят они своих бойцов. Тех, с кем вместе защищают Родину.

Защита родины — главное дело героев повести. Они отдают ему свои силы, весь накал своих душ. А многие — жизнь. Об этом говорит в одной из самых сокровенных своих бесед Костя Прохоров. Говорит своему командиру сержанту Белке накануне опаснейшей ночной схватки с фашистами: «Война оставляет место только для главного, остальное — от счастья... Надо делать главное».

Л. ВОЛЬПЕ

ЛИЧНОЕ СЛОВО

Н. Димчевский. Прорубь. Стихи. М. Изд-во «Советский писатель». 1968.
Николай Димчевский. Краски Севера. Стихи. М. Изд-во «Молодая гвардия». 1972

Первая книга стихов Николая Димчевского была названа «Прорубь». Вчитаемся в заглавное стихотворение:

Беру пешню
и
быю в оскал зеленый,
ломаю
льда и наледи заслоны!

На снежных искрах,
словно сизый голубь,
синее неба
высветилась прорубь,

Теперь
ведром помятым зачерпну
из-подо льда добытую
весну.

Тот лед, та наледь, сквозь которые прорубается поэзия Димчевского, — природа Севера и Востока, дикая и прекрасная. Первая и лучшая половина книги «Прорубь» и почти вся вторая книга «Краски Севера» посвящены этому краю и его людям: геологам, географам, промысловикам. Собственно говоря, Димчевский не

слишком уточняет профессиональные занятия своих героев. Герои попросту живут в тайге, в тундре, восхищаются ими и терпят от них.

Мне кажется, что Димчевский знает изображаемое им и потому находит свежие слова, свежие краски. Свежие краски — следует понимать буквально: стихи Димчевского ближе всего к живописи. Приведу примеры: «Узнаёшь фиолетовую, льдистую, полинявшую, осеннюю тундру...» или: «Кровь августа — шиповник и брусника. Синиц трещотка вечерами алыми. Ступает осень трепетно и дико, бредет чащобой и таежными завалами. Какая четкость красок и границ! На черном камне белый мох и колокольчик синий...», или: «Много красок не надо. Для заката достаточно трех. Бросьте медную в небо, сталь каленую в горы, известь жженую в реку и смотрите, забыв про коварства дорог... Эти краски Урал многолетье хранит в своих складках, он настаивал их на буранах и льдах, на жаре, на воде снеговой, на камнях, заскорузлых и гладких, и на судьбах, сгоревших в полярном костре... Были праздники — красные шали по меди несгорающих медленных зорь. В пляс узоры на малицах шли и, помедлив, заплетались в закатный веселый узор».

Обычно такое изобилие сопряжено с неточностью, с приблизительностью. У Димчевского, напротив, все определено. Когда он пишет в цикле «Нити осени»: «Костер лесов. Прозрачным вихрем взмыта вся охра, медь и золото земли», — становится ясно, что это пишет художник и что он действительно жил в тайге.

Изобилие красок сопрягается с активным, творческим отношением к языку. Приведу пример, где эта активность выявлена даже с некоторым переклестом: «О, безрассудство гонки без дорог! Проныр по рекам, вымах сквозь болота, на камни вхряст и хлюпом через мох — и в створ зари, как в алые ворота!.. И резкий взмах Уральского хребта бросает нас до кромки океана, куда не доберется темнота — в пресветлые полунощные страны». Здесь и архаизмы, и неологизмы, и, как теперь принято говорить, «окказионализмы», то есть слова на случай, так сказать, личные слова поэта. И в то же время все понятно и почти все уместно. Как повернуто, к примеру, слово «проныр»!

Отношение к синтаксису у Димчевского свое, личное. Выпишу целое стихотворение, чем-то напоминающее знаменитое фетовское «Шепот. Робкое дыханье. Трели соловья»:

Дырявый накомарник.
Борода.
Винтовка.
Ичиги.
Зимовье.
Сырые камни.
Звонкая вода.
Заря по зыби — кровь по крови.

Звон комаров.
Глубокой дали зов.
Путь от жилья.

Дорога в необходимость.
Гольцы.
Кедровый стланик.
Темь лесов.

Что темнотой в таежных падах
скрыто?

Здесь ощущение таинственности, неразгаданности природы передано почти исключительно с помощью существительных. А какая строчка: «Заря по зыби — кровь по крови»!

Почти во всех первых книгах поэтов преобладает ямб, четырехстопный, реже пятистопный. У Димчевского — изобилие размеров. Почти у всех строфические поиски ограничиваются знаменитым «кирпичиком» — четырехстрочной строфой с перекрестной рифмовкой. У Димчевского — разнообразие строф. Вот первая строфа стихотворения «Старуха»:

По берегу,
черная
в белом тумане,
старуха с тревогой,
старуха со страхом,
старуха с собакой
идет по песку.
Тревога, и страх, и собака
в предутренней рани
прижались к ноге
и скулят
и тоской своей неизреченной
готовы накликать другую, щемящую
сердце тоску.

Чтобы так писать, надо владеть стихом, быть хозяином, а не рабом слова. В стихотворении еще восемь строф, и каждая выглядит по-своему.

Может быть, только рифмы у Димчевского обычные, хотя внимание поэтов к ремеслу почти всегда начинается именно с рифмы. Полагаю, что очень звонкие, слишком замысловатые рифмы Димчевскому и не нужны. Он почти всегда мыслит в масштабах целого стихотворения, а не в масштабах строки или строфы. Ему, следовательно, и не требуется резкого, демонстративного отделения строки от строки, строфы от строфы.

Иными словами, Николай Димчевский знает свое дело, более того, он, очевидно, даровит. Как всегда или, точнее, почти всегда, даровитость сочетается со знанием жизни, с пристальным к ней интересом. Вот стихотворение без названия, характерное для Димчевского:

Комар упал:
теперь идти спокойней.
Лишь днем, в затишье —
липкая мошка.
Вверху
крик дятла, резкий и разбойный,
внизу
скрип гальки из-под башмака.

Река тайгу на круче осадил,
и сосны в страхе встали на дыбы,
тая в корнях бессильные и силу,
мешая золото
с фальшивками слюды.

На берегу чисты и четки глыбы,
обнажены пластовица камней.
Земля прозрачна —
руды, словно рыбы,
отяжелев, устало спят под ней.

Здесь все знакомо —
у воды палатка,
бревно в костре и пар из котелка...
И все же
точно смутная загадка —
земля и сосны,
камни и река.

Хорошо сказано: «Комар упал: теперь идти спокойней». Хорошо, коротко, точно. Вспоминается: «Жар свалил, повеяло прохладой».

Хорошо сказано: «Земля прозрачна — руды, словно рыбы, отяжелев, устало спят под ней».

Однако стихотворение впечатляет отнюдь не строчечными удачами. «Сказануть» могут многие. Димчевский не сказанул, а сказал.

Высоки кедры в его стихах, бескрайна тайга, необозримы горы, быстры реки. И все это зримо, все убедительно, все доказано словами. Быть может, только люди Севера бледнее, чем краски Севера, чем небо Севера, чем звери и птицы Севера.

Отчего это? Оттого ли, что и в самом деле человек там еще с трудом справляется с природой? Или оттого, что дарованию Димчевского живопись ближе, чем психология?

Однако того, что уже написано Димчевским, достаточно, чтобы с уверенностью утвердить, что он поэт.

БОРИС СЛУЦКИЙ

СТРОГАЯ ДОБРОТА

Этибор Ахунова. Годы. Стихи. Перевод с узбекского Р. Казаковой. Ташкент. Изд-во имени Гафура Гуляма. 1973

узбеков есть популярное женское имя Шоира, что в переводе означает «поэтесса». Возможно, смысл здесь в том, что на Востоке поэзию всегда представляют в облике женщины... Сейчас в Узбекистане работают женщины-поэты, которые заслуживают самого пристального внимания и читателей, и критики.

До сих пор русский читатель хорошо был знаком лишь с творчеством Зулфии. Но сейчас положение меняется. Римма Казакова начала переводить стихи своих подруг по перу. Недавно она перевела книгу Этибор Ахуновой «Годы», в которой широко представлено творчество узбекской поэтессы.

Стихи Ахуновой отличаются простотой и прозрачностью. У нее нет «громких» слов, сложных поэтических ассоциаций. Она как бы беседует, разговаривает с читателем:

Приди, веселым взглядом пригрозил
Всеми, что по-осеннему тоскливо,
И мир суровый в песню погрузи,
Как поле — в воды вешнего разлива, —